

ПОСЛѢДНІЯ ІЗВѢСТІЯ

Редакторъ-издатель Р. С. ЛЯХНИЦКІЙ.

№ 181 (1274).

Ревель. Среда, 16 іюля 1924 г.

V годъ изданія.

Я. В. ВОИНОВЪ.

Безъ Чехова.

Двадцать лѣтъ назадъ, въ ночь нашивала многіе чеховскіе образы, напитки-вая голубой тайной повседневною.

3 іюля ст. стили скончался Антонъ Павловичъ Чеховъ.

Ушелъ изъ жизни писатель, коронованный въ послѣдніе годы жизни въ-помъ лучшаго изъ здравствующихъ писателей, несмотря на то, что еще живъ былъ Левъ Толстой, умолкшій для художественнаго творчества.

Со смертью А. П. Чехова исторически умерла и коронованная его искусствомъ эпоха, съ ласковымъ достоинствомъ носившая ту ювелирно-тонкую корону послѣдней государыни, что была создана для русской жизни повѣстями и пьесами одного изъ самыхъ изысканныхъ художниковъ русскаго слова.

Умеръ Чеховъ — съ нимъ вмѣстѣ умерла и чеховская Россія, умерли „чеховскія настроенія“, такія знакомыя и милыя всѣмъ, кто уже жилъ душой до ударовъ первой революціонной грозы 1905 года.

Подумаешь объ этомъ — и безвременная смерть Чехова кажется теперь неизбежною именно въ тѣ дни, что вырвали его изъ жизни.

Могъ ли жить писатель, чудесно владевшій нѣжнѣйшей словесной пастелью и акварелью, когда жизнь уже принялась малярной кистью мазать первые революціонные плакаты, густо наводя кроваво-красные блики на все:

- На событія.
- На мысли.
- На человѣческія души.

Туберкулезъ, этотъ недугъ многихъ талантливейшихъ людей, часто коситъ жертвы ранней весною.

Дни, за которыми лѣвая пресса того времени укрѣпила прозвище „весна русской общественности“, унесли Чехова.

Въ этомъ — столько безыскусственной, глубоко-жизненной символики, что окра-

ваая голубой тайной повседневною.

Двадцать лѣтъ назадъ, при первомъ дуновеніи весенняго революціоннаго сквозняка началась та полоса политическихъ бурь и тумановъ, которая исключала мягкость чеховскихъ красокъ и, наконецъ, разразилась злымъ краснымъ штормомъ, непогодой большевизма.

Тогда, по веснѣ, унесшей Чехова, мы не жалѣли о томъ, что въ огнѣ аграрныхъ безпорядковъ сгораютъ „Вишневые сады“, напрасно молодѣетъ и примыкаетъ къ „партіи народной свободы“ издерганный „Дядя Ваня“, а „Три сестры“, подхваченныя общимъ порывомъ, переѣзжаютъ, наконецъ, въ мавишную ихъ тягучими годами Москву.

Только теперь мы можемъ понять:

— Какъ свѣтло мыслили мы вмѣстѣ съ Чеховымъ „лучшее будущее“, и какъ жестоко обманула насъ дѣйствительная жизнь!

— Какъ милы были незамысловатые штрихи и краски прежняго быта, что намъ казался такимъ убогимъ.

Только теперь постижима, наконецъ, одна изъ глубочайшихъ и прекраснѣйшихъ душевныхъ чертъ А. П. Чехова, которую мы видѣли, но которой не понимали при его жизни:

— Какъ могъ Чеховъ явно любить сѣренькое, слабенькое, мечтательно-безвольное, имъ созданное и жившее на многихъ его страницахъ.

Нельзя ему было не любить:

— Вѣря въ далекое лучшее „впереди“, писатель съ задумчивыми глазами прозрѣвалъ близкое торжество самодовольнаго, грубаго, краснаго ничтожества. Не могъ онъ не ласкать покоряюще-нѣжнымъ словомъ тѣхъ, кому надвигающаяся „политическая весна“ готовила безжалостное уничтоженіе.

Яр. Воиновъ.